

Мурашова Наталья Сергеевна

ГЕОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО СТАРООБРЯДЧЕСКИХ ДУХОВНЫХ СТИХОВ

Объектом исследования является геокультурное пространство духовных стихов из репертуара старообрядцев. Топосы, локусы, топонимы рассматриваются как культурные символы, отражающие пространственную картину мира старообрядцев и выступающие одним из средств их культурно-религиозной самоидентификации. Анализируются топосы природного, сакрального, метафорического происхождения и динамичный топос дороги. Характеризуется топонимическая система духовного стиха, отражающая восприятие географических названий и их функционирование в коллективном сознании староверов. Пространство духовных стихов аксиологически нагружено. Оно центрируется вокруг культурной бинарности "праведность - греховность", лежащей в основе православного взгляда на мироздание, охватывая космические масштабы горнего и земного миров, каждый из которых имеет свои устойчивые геокультурные символы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/1/40.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 1(75) С. 153-159. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 398.88

Искусствоведение

Объектом исследования является геокультурное пространство духовных стихов из репертуара старообрядцев. Топосы, локусы, топонимы рассматриваются как культурные символы, отражающие пространственную картину мира старообрядцев и выступающие одним из средств их культурно-религиозной самоидентификации. Анализируются топосы природного, сакрального, метафорического происхождения и динамичный топос дороги. Характеризуется топонимическая система духовного стиха, отражающая восприятие географических названий и их функционирование в коллективном сознании староверов. Пространство духовных стихов аксиологически нагружено. Оно центрируется вокруг культурной бинарности «праведность – греховность», лежащей в основе православного взгляда на мироздание, охватывая космические масштабы горнего и земного миров, каждый из которых имеет свои устойчивые геокультурные символы.

Ключевые слова и фразы: духовный стих; старообрядцы; топос; локус; топоним; геокультурное пространство; картина мира.

Мурашова Наталья Сергеевна, к. искусствоведения, доцент
Новосибирский государственный педагогический университет
2107542@mail.ru

ГЕОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО СТАРООБРЯДЧЕСКИХ ДУХОВНЫХ СТИХОВ

Работа подготовлена в рамках проекта РГНФ № 15-04-00113-а.

Геокультурное пространство – ключевое понятие гуманитарной географии, изучающей «различные способы представления и интерпретации земных пространств в человеческой деятельности» [3, с. 26]. Элементы геокультурного пространства – топосы, локусы, топонимы – рассматриваются не только как носители информации об определенной местности, но и как культурные символы. Ведь культура, по словам П. Флоренского, «может быть истолкована как деятельность по организации пространства» [11, с. 55].

Художественный текст создается в определенном культурно-пространственном контексте, являясь его порождением, аккумулируя воспоминания, отражая определенные представления, оценки, выразителями которых могут быть пространственные образы. По мысли Д. Н. Замятина, географические образы – «это устойчивые пространственные представления, которые формируются в результате человеческой деятельности» [4, с. 10]. Тем самым геокультурное пространство выступает одним из средств отражения картины мира его носителей.

В центре внимания данной работы находятся геокультурные объекты духовных стихов из старообрядческого репертуара. Их изучение позволяет получить представление о мировосприятии, мироощущении, миропонимании старообрядцев, поскольку помогает выявить те принципы, которые лежат в основе самоидентификации представителей древнего православия.

Репрезентантами пространственных образов художественного текста выступают топосы и локусы, а также связанная с ними топонимия. Их рассмотрение предпринимается в статье.

Понятия «топос» и «локус» не имеют терминологической определенности, поэтому следует объяснить смысл их применения в нашей работе. В контексте геокультурного изучения художественного текста под топосом имеются в виду открытые пространственные образы, или «пространство отсутствующих границ» [10, с. 6]; под локусом, соответственно, закрытые пространственные образы, или «ограниченное пространство в составе безграничного» [9, с. 88].

В духовных стихах старообрядцев можно выделить группы топосов:

- 1) природного происхождения: земля, небо и связанные с ним небесные светила (солнце, луна, месяц, звезды), пустыня, горы, водные просторы (море, океан, река);
- 2) сакрального происхождения: рай (Эдем), ад;
- 3) метафорического происхождения: свет, мир, край;
- 4) динамичные топосы: дорога, путь.

Одним из важнейших топосов духовного стиха является *земля*, его интерпретация объединяет дохристианскую и христианскую семантику. От мифологических времен берет начало образ дарующей благо Матери сырой земли. Используется прием олицетворения: земля трактуется как одушевленный персонаж («Растужилась, расплакалась матушка сыра земля перед Господом Богом»; «Восколебалось море, сыра земля застонала»; «Каялся-то доброй молодец сырой земли, как сырой земли да сырой матери»)¹.

Со времен христианских земля выступает как символ святости (святая земля), нередко уточненный конкретным географическим локусом (святая русская земля). Земля – место Божьего творения и покровительства: «Добро бояться благия люди сотворшаго небо и землю»; «Вести ангельской внемли: Царь родился всей земли»; «Христос Бог наш, творец небу и земли».

¹ Здесь и далее цитируются образцы из экспедиционных записей автора [12] и Лаборатории археографических исследований Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина (Артинское, Горнозаводское, Красноуфимское, Курганское, Невьянское, Северо-Челябинское, Талицкое собрания) [7].

В то же время к устойчивым оборотам духовного стиха относятся выражения «грешная земля» («Два ангела парили над грешною землей»), «трудная земля» («Послал нас Господь Бог на трудную землю») и «чужая земля» («Вечно буду я изгнанник и в чужой земли пришлец»). Земля также является межой между адом и обителью человеческой; между адом и раем, отделяя грешников от праведников.

Противоположный земле топос – *небо*. В стихах встречается в своем прямом смысле как высота, как надземная стихия («В вышине небесной много звезд горит»; «Небо сводом уж темнеет»); как место, куда вознесся Христос («На шестой было на неделе, в четверг у нас праздник Вознесения: Вознесся сам Христос на небеса»); как место нахождениярая («В светлом небе рай населен») и пребывания святых сил («Ныне все вернии в мире ликуют: в небе все силы в Христа торжествуют»; «Сходила Владычица с небесного круга»; «Дева Мати пречистая с небес взята, пресветлая»). Прилагательное «небесный» нередко выступает в роли символа горнего мира в лексемах «небесное царство» («Различные пути в небесное царство вводят, которые по них разумно прямо ходят»; «Человече, да будет ти во главе умо и смысло царствия небеснаго»), «небесная страна» («Кто путь укажет к небесной стране»), «небесный чертог» («Невесты Христовы, грядите в чертог небесный»; «Из уст небесного чертога»), «небесный дом» («Исусе, Исусе, Исусе, доме небесный»).

Солнце, месяц, луна, звезды выступают в духовных стихах в прямом значении небесных светил («В вышине небесной много звезд горит», «Солнце светом воссияло и согрело всех людей», «Ночь тиха, луна сияет над еврейскою страной»). Они могут нести дополнительную семантическую нагрузку, когда озаряют духовный путь («Как солнце златыми лучами свой путь озаряет земной»), либо меркнут с наступлением конца света («Приходит последнее время, солнце и месяц померкнут»).

Двойственное значение имеют топосы *водных стихий*: реальное географическое и метафорическое пространство. Встречаются в экспозиционной зоне стиха как указание места разворачивающихся событий: «В океан-море камень лежит»; «На мори в океане стоит церква на камени». Топосы водных стихий могут обретать реальность через географически уточненные локусы: «По морю синему по Хвальнскому тут и шли, пробегали через корабли»; «Что на юге и на севере протекала река быстрая, река быстрая славной Керженец», «Чудное озеро Генисаретское».

Волнующееся море используется в качестве средства образного параллелизма. Так, два старообрядческих стиха «О соборе Гагаринском» и «Стих новый о раздоре о Курганском соборе» имеют одинаковое начало: «Взволновалось море, возмутились воды, собрались народы в село Гагарье с ближних селений, а также и с дальних»; «Взволновалось море и возмутились воды, собрались народы со всех стран в город Курган». Море в них помогает воссоздать атмосферу взволнованности и возмущения, царящую во время соборов. Антигеза «В море многий потоп, а в мире от злых людей поклеп» лежит в основе стиха «О людской злобе». В символическом значении «житейского моря», то есть мирской суетности, этот топос используется в стихах «Житейское море играет волнами» и «Как Петр я в море утопаю, в волнах житейской суеты».

С сакральным пространством ада связан образ реки огненной: «О душе моя, сим избавишься реки огненная».

По-разному трактуется в духовных стихах топос *пустыня*. В прямом смысле – как безводная природная зона: «Безмолвна знойная пустыня, песок зыбучий не шумит», «В пустыне знойной палестинской», «Полуденным зноем пустыня пала». И в переносном значении – как символ уединения: «О, прекрасная пустыня, сам Господь повелевает, пустыню похваляет», «Я в пустыню удался для тебя, небесный царь»; как место святое, где пребывают праведники, удалившиеся от мирских соблазнов: «О, прекрасная пустыня, от всех суетных изми мя»; «Ты пустыня, преподобная, святая, ты прими мя, пустыня, свету, Богу помолиться». Пустыня – это еще и монастырь: «Построй, Господи, пустыню правоверным христианам», «Было да жило в пустыне две старицы, да две черноризицы», «Возрадуйся ныне, Выгская пустыне».

Пустыня осмысливается старообрядцами в качестве места защиты от соблазнов и погибели души, поэтому нередко герой стиха к ней обращается как к матери, заступнице: «Прекрасная мати пустыня, любезная моя дружина». Оппозиция «пустыня – мир» обнаруживается через противопоставление пустыни и царского дома («Из пустыни старец в царский дом приходит»); пустыни и здешних мест («В пустыню я удался от прекрасных здешних мест»). Несмотря на свою непригодность, сложность для проживания, пустыня в стихах восхваляется как «богонасажденная прекрасная пустыня, прохладная дуброво, веселие всей твари». «Господь нам построил прекрасную пустыню на нежительском на месте», – поется в старообрядческом стихе. Именно такой она видится ищущим духовного покоя, праведной жизни и встречи с Господом: «Восплачесь млад юноше пред пустынею стоя: “Приими мя, пустыня, со многими грехами”». Удаленность прекрасной пустыни от здешнего греховного мира подчеркивается пространственным уточнением: «Во дальней во долине стояла прекрасная пустыня».

Топос *горы* получил распространение в духовных стихах как часть библейского ландшафта и как место встречи с Богом: «Монастырь верхний издавна стоит на крутой горе», «Ходила-искала святая Дева, ходила-искала Иисуса Христа по святым горам». В качестве локуса в стихах встречаются Сионские горы («На Сионских горах появился жить монах», «На Сионской горе три древа стоят», «По Сионским горам сам Господь ходил»), Арацкие горы («Ковчег Ноев по водам носился, на Арацких горах остановился»). Иногда геокультурный объект «горы» заменяется на «высоты»: «Кому, о Господи, доступны твои Сионские высоты».

Из топосов сакрального происхождения наибольшее распространение получил *рай*. В качестве места действия он используется в стихах, созданных на основе библейских сюжетов: «Бог Адама с Еввою в рай введе». В стихах рай получает пространственную определенность, о его местонахождении свидетельствуют следующие фрагменты старообрядческих стихов: «В светлом небе рай населен»; «Преклонясь на левую с востока, рай свет там».

Упоминание *ада* в старообрядческом репертуаре связано, главным образом, со стихом «Газета из ада». «Адовым псом» именуют патриарха Никона («О ты, злый Никон, душевный пагубник, не ты ли де адов пес»). В целом топос ада относится к малораспространенным, несмотря на большое количество эсхатологических

образцов, в которых содержится описание мучений грешников. В этих назидательных текстах не конкретизируется место происходящего. Важно не где, а как, устроить должно не место, а действие.

Достаточно распространенными топосами духовного стиха являются *свет, мир, конец, край*, несущие схожую семантическую нагрузку. Их объединяет и то, что помимо пространственного значения они используются в своем первоначальном смысле. Например, край и конец – как временной показатель («Размышляйте, жизни нашей край пришел»); свет в значении освещения («Солнце светом воссияло и согрело всех людей»); мир как лад, отсутствие разногласий («Где любовь обитает, всем вражду она прогоняет, мир вечный там вселяет, крепко утверждает»).

В то же время эти лексемы фигурируют в качестве категорий, связанных с определенными геокультурными зонами. Свет и мир используются для обозначения всего земного пространства; край, конец, а также место, сторона (страна) – для указания их части: «Буйны ветры, полетите в мой любимый край родной»; «В пустыню я удалюсь от прекрасных здешних мест», «Бродил я далеко в чужой стороне», «Может быть, от вас далеко я умру в чужой стране».

Лексема «свет» в основном используется в клишированных словесных формулах: «этот свет», «сей свет», «вольный свет», «белый свет», обозначающих земной мир: «Все мы живем на этом свете и не думаем о том, время близится все к смерти с каждым часом, каждым днем», «В сем свете лестном человек еще собою младок», «Жили мы грешницы на вольном свету», «Пошла Мать Мареюшка по белу свету».

Топос «свет» как геокультурная категория синонимичен топосу «мир»: «Новая радость во всем мире»; «Уже полно тебе, человеце, в мире жити, аллилуйя»; «Все исчезнет в этом мире, как трава и цвет в полях»; «Душа моя горестно взглянет на здешний покинутый мир». Мир зачастую используется в значении греховного пространства (заблудящего, погибающего, скверного, злого, прелестного): «Я человек скорбящий, самый ничтожный, а стих страшный про мир заблудящий сложил», «Виде Бог, виде Творец, что мир погибает», «Ох, скверный мир грешный, знамением двуперстным себя знаменуйте и христианами верными себя именуйте», «Мир злый и прелестный». С. Е. Никитина утверждает, что слово «мир» – одно из самых частотных в старообрядческих стихах. Оно используется в значении Вселенной и в значении человеческого общества, ведущего «нецерковный образ жизни» [6, с. 257].

Среди локусов старообрядческих духовных стихов встречаются культовые объекты: *храм* («Свыше неба создан храм»), *церковь* («Что на той на горы церква Божья стоит», «И шел я дорожкой, дорожка лежала, на той на дорожке там церковь стояла»), *монастырь* («Монастырь верхний издавна стоит на крутой горе», «В монастыре было, в Боголюбове, собиралися старцы во един круг»), *келья* («Келья, моя келья, келья темная моя», «Прости меня, святая келья, с тобой не встречусь больше я»).

Распространены локусы, имеющие отношение к территориальной организации пространства: страна (державы), город (град), селение. Они связаны с реальными географическими объектами, в которых разворачивалась библейская история: «Ночь тиха, луна сияет над *еврейскою страной*» (стих «Отречение Петра»), «В *странах* таинственных *Востока*» (стих «Блудный сын»), «Три мудреца из дальних *стран Востока*» (стих «Три волхва»), и событиями из мира старообрядчества, например, «Плач пустытника в обители, обращенной к единверческой в Москве» открывается следующей фразой: «В последнем времени жестоком пустынный в *северной стране*»; «Стих новый о раздоре о Курганском соборе» включает фразу «Собралися народы со всех стран в *город Курган*». Упоминаемые в стихах локусы представляют собой «такое пространство, которое субъект (персонаж текста) может лично прочувствовать или представить, физически ощутить» [2, с. 67].

Пространство духовного стиха пронизано идеей *пути, дороги*. Топос пути традиционен для русской культуры. Дорога является пространственным ориентиром, то есть полосой земли, используемой в качестве пути сообщения. Примеров трактовки пути-дороги именно в таком качестве в духовных стихах достаточно: «Шел путем молодой инок, плачет, слезно рыдает», «Идет инок по дороге, черноризец по широкой», «И шел я дорожкой, дорожка лежала, на той на дорожке там церковь стояла». Однако в жанровом контексте духовного стиха нетрудно почувствовать полифоничность образа дороги как места, по которому нужно пройти не только в прямом, но и в метафорическом смысле: далекий, долгий путь должен стать путем Христовым («На путь бо иду долгий и по нему же николиже ходихо»), «Крест тяжелый, путь далекий, тяжело его поднять», «Кто идет путем Христовым, тот и должен крест нести»).

В культурно-семантическом отношении дорога выступает в роли духовного ориентира. В этом смысле образ дороги чрезвычайно распространен в фольклорных жанрах плача, сказки, заговора, соответственно, к моменту проникновения его в старообрядческие стихи он успел обрести устойчивую символику и получил в духовном песнетворчестве свое клишированное словесное оформление. Пути-дороге уподобляется жизнь человека. Земной путь характеризуется в стихах эпитетами «опасный», «тернистый» («Путь его жизни тернистый»; «Как солнце златыми лучами свой путь озаряет земной»; «Много дней впереди, много зла на пути»). Земной путь – это начало пути в вечность, он определяет два возможных направления: дорогу в царствие небесное («У раю у пресветлого пролегла путь-дороженька», «Кто путь укажет к небесной стране», «Различные пути в небесное царство вводят»; «О какой нам путь открылся, чтобы в царствие идти») либо путь к гибели вечной («До сих пор ты шел дорогой, что к гибели ведет»; «Широк путь zde, угодный сласти творити»). С дорогой связан образ странника – человека на земном пути своего бытия: «Мы странники здесь скоротечны»; «Ты куда идешь, скажи мне, странник с посохом в руке».

Путь, дорога как пространственные категории соотнесены с далью: дальними долинами («Во дальней во долине стояла прекрасная пустыня»), дальними краями («На Урале в далеком изгнание, там, в далеком утробном краю»), дальними странами («Три мудреца из дальних стран Востока»), наконец, чужой стороной («Бродил я далеко в чужой стороне», «Может быть, от вас далеко я умру в чужой стране»). Именно лексема

«чужой» конкретизирует понимание того, что путь выводит за пределы своего привычного пространства в какие-то неведомые дали.

Динамичность топосу дороги в старообрядческих духовных стихах придают глаголы движения, обозначающие перемещение в пространстве, такие как *идет, иду, приидите, приходит, ходят, ходихо, заходит, грядет, гряди, грядите, шел, шли, пошли, или-пошли, пришел, вводят, пробежали* («Идет инок по дороге, черноризец по широкой», «Приидите, празднлюбцы, придите лик составим», «Различные пути в небесное царство вводят, которых по них разсудно прямо ходят», «На путь бо иду долгий и по нему же николиже ходихо», «Гряди, гряди, жених от своего чертога», «Шли-пошли два ангеля, за собой ведут душу грешную, беззаконную», «Шел Христос дорогою», «По морю синему по Хвальынскому тут и шли, пробежали через корабли»). Активно используются обстоятельственные наречия места: «Ты куда идешь, скажи мне, странник с посохом в руке»; «Где-то там далеко и когда-то давно жил премудрый и опытный старец»; «Где святого Иордана как слеза вода чиста»; «Широк путь где, угодный сласти творити», «Нет места, о Спаситель, здесь в мире для тебя», «Идет чернец из монастыря, второй ему навстречу грядет»).

Топосы и локусы, выступая во взаимодействии, соединяют реальное географическое и культурно-символическое пространства. Топосы имеют высокий уровень смысловой обобщенности, а локусы нередко способствуют их конкретизации, так как связаны с пространствами зримыми, а не абстрактными. Через ограниченное место, где зачастую разворачиваются какие-то локальные события, доводится смысл обобщенной символики топоса. Так реальное пространство соединяется с сакральным и символическим.

Локусы стихов бывают связаны с конкретными географическими объектами, имеющими свои названия-топонимы. Духовные стихи старообрядцев обладают развитой топонимической системой, отражающей восприятие географических названий и их функционирование в коллективном сознании староверов. Поэтому топонимы многое могут поведать о картине мира своих носителей. Анализ топонимического материала, с одной стороны, направлен на выявление реальных географических представлений старообрядцев, с другой – на обнаружение локусов-символов, способствующих определению культурно-семантического уровня пространственных представлений старообрядческой картины мира.

Географические названия, отражая события христианской истории, связаны с различными пространственными объектами. Среди них выделяются библейские ландшафты; средиземноморский ареал, в котором разворачивалась жизнь ранних христианских святых; древнерусские города; наконец, духовные центры старообрядцев. Рассмотрим их последовательно.

1. Из библейских мест в духовных стихах упоминаются:
 - страна Аравия («В Аравии стране счастливой, обильной благами земли»);
 - город Вифлеем («Как уснула пресвятая Богородица во святом граде Вифлееме Иудейском»; «Христос в Вифлееме рождается»; «Я умом ходила в город Вифлеем»);
 - город Иерусалим («Во светлом граде Иерусалиме, в третьем часу воскресения Христова из седьмого неба»; «Во святом граде Иерусалиме бысть явление первое»; «Во городе в Иерусалиме стоит церковь соборная»; «Во граде Иерусалиме там премножество чудес было»; «Два путника из врат Иерусалима однажды к Еммаусу шли»; «Под славным было градом Иерусалимом, было три царства беззаконных»);
 - гора Фавор («На Фаворе преобразя»);
 - гора Голгофа («Во святом было во граде в Иерусалиме на позорном лобном месте на горе Голгофе»; «Он шел на Голгофу, на место страданья»; «С Голгофы кровь струится, ручей святой течет»);
 - гора Сион («Спит Сион и дремлет злоба»; «Ты взойди, человеце, на Сионскую гору»; «Соберемся, братие, на Сионску гору»);
 - река Иордан («Ныне Бог на Иордан плотию приходит»; «Спаситель шел от Иордана»; «В далекой стране Палестине струится река Иордан»; «Где святого Иордана как слеза вода чиста»; «На море, на Иордане стояла Дева Мария»; «К водам иорданским Господь пришел»; «На Иордань всех Спаситель днесь прииде испуитель»; «Ныне Бог на Иордан плотию приходит»);
 - Генисаретское озеро («Чудное озеро Генисаретское»);
 - Кана Галилейская («В Кану Галилейску на брак сам приидя»);
 - Назарет («В неизвестности смиренно в Назарете ты цвела»);
 - Содом («Вечер, сумерки наступают у Содомских у ворот»; «Мы идем сюда к Содому»).
2. Средиземноморье в духовных стихах, помимо самого моря («Шумит средиземных морей исполин и плещется пеной седою»), представлено ойконимами Рим («Во славном городе во Риме жил богатый царь Ефимьяне»; «Я родился в граде Риме»; «Спит гордый Рим, одетый мглою»; «Из врат языческого Рима»; «Спокойно стояла она пред судом свободного Рима гражданка»); Солунь («С первого веку начала Христова не бывало на Салым-град никакой беды, ни погибели»); оронимом Афон («Гора Афон, гора святая»).
3. Как в старых общерусских, так и в новых стихах, созданных старообрядцами, фигурируют древнерусские города:
 - Киев («Во славном во городе во Кieve, у князя Владимира»; «Восточного державствия словенского Кивеа града»; «Честный отче Ермолай един в Кieve спасался»);
 - Боголюбово («В монастыре было, в Боголюбове, собиралися старцы во един круг»);
 - Суздаль («Есть Иоанн, служитель божий, был в Суздаль-крепость заключен»);
 - Москва («Во славном было царстве во московском государстве»).
4. Символами благочестивой и праведной жизни выступают старообрядческие монастыри и места компактного проживания староверов:
 - Соловецкая обитель («Мы спасали обитель, Соловецкой монастырь, как у нас был предводитель, славной русской богатырь»);

– Выго-Лексинская обитель («Возрадуйся ныне, *Выгская пустыне*»; «О пустыне, место *Выгорецко*»; «Светят в *Выгорецкии* церкви мысленныя»; «Днесь *Лекса* преславна»);

– Иргиз («*Иргизские* воды в море утекли, его жителей вон вытеснили»; «*Криволучный монастырь* он во темных лесах»);

– Керженец («Что на юге и на севере протекала река быстрая, река быстрая славной *Керженец*»).

Тексты стихов старообрядческого происхождения пестрят географическими названиями, связанными с реальными историческими событиями. Например, в стихе «Боже, приидоша времена до нас», по мнению Н. В. Ануфриевой, речь идет о разгроме старообрядческого Лаврентиева монастыря [1]. В стихе упоминаются топонимы, отражающие все перипетии переселения староверов на новое место: «Поселили их близ *Ленкорана*»; «*Арарат гора* и *Аракс река* в соседстве у них в последни века. *Каспийское море* их обливает, песчаная степь их обливает, снеговые горы покрывают их и *река Евфрат* недалече их».

Встречаются в духовных стихах из старообрядческого репертуара и вымышленные топонимы, например, *Рахлинское царство* из фольклорного эпического памятника «Егорий, царевна и Змей».

По природным объектам пространственные локусы старообрядческих стихов подразделяются на *хоронимы* (Европа, страна Палестина, еврейская страна, страна индийская, Русь святая, Россия, Египет, Даурия, Урал); *ойконимы* (Салым-град, Солом-город (Солунь), Рим (град Рим, Римское царство), Иерусалим, Вавилон, град Константинов, Гомор-город, царство Рахлинское, Кана Галилейская, Вифлеем Иудейский, Боголюбово, Москва, Киев, Суздаль-крепость, Чебоксары, Петрозаводск, Курган, Ржев, Успенский монастырь, Выгская пустыня, место Выгорецко, Лексинский монастырь, Криволучный монастырь, Преображенское кладбище, Петрозаводская могила, Петровские рудокопные заводы, деревня Дубровно, село Гагарье, герцогство Курляндское, приход Саманьский); *гидронимы* (Хвалынское море, река Керженец, Лекса, река Вавилонская, Иордан); *оронимы* (Сион (сионские горы, сионские высоты), Арарацкие горы, гора Афон); *микротопонимы* (маврийский дуб). Это те пространственные зоны, в которых разворачивается христианская история ветхозаветного, новозаветного, древнерусского периодов и события, случившиеся в период раскола Русской православной церкви и последующих преследований старообрядцев, включая XX век. Таким образом, староверы рассматривают старообрядческий период как естественное продолжение истории христианства, полной гонений и противопоставления праведности истинных ревнителей благочестия греховности их идейных противников. Духовный стих расширяет границы христианского мира и почитаемых святых пространств за счет введения в него старообрядческих духовных центров.

Топонимия старообрядческого духовного стиха представляет разные части света, охватывая большую часть мирового пространства:

а) Европу: «*Европа* ты славнейшая», «В *герцогстве Курляндском*, в приходе Саманьском, суще два брата, не нища, ни богата»; «С первого веку начала Христова Не бывало на *Салым-град* никакой беды, ни погибели», «В самом *Риме* я был, с папой вместе гостил»;

б) Азию: «Там, в далекой *Палестине*», «Во стране во *индийской* быст царь богатый зело», «Коль славен наш господь в *Сионе*», «По *Сионским горам* сам Господь ходил», «На *реце Вавилонской* ту седохоми и плакахомся», «Во светлом во *граде в Костянтинове*», «Посторон святого града *Иерусалима* на земли было три царства беззаконных: первое царство был *Содом-город*, а второе царство был *Гомор-город*, а третье было царство Рахлинское», «Где святого *Иордана* как слеза вода чиста»;

в) Африку: «В *Египте* старец постник имение все расточил».

Особенно обширно представлена *русская топонимия*. Под термином «русская топонимия» имеются в виду «топонимы, которые, во-первых, употребляются русским населением, во-вторых, обозначают объекты на территории русского заселения» [8, с. 3]. В духовных стихах старообрядцев встречается топоним *Русь* («Его лжеучители в Русь святую посланы от змия дракона с бесовским законом») и многочисленные топонимы, представляющие разные территории европейской и азиатской частей России:

– северно-русские старообрядческие обители: «Мы спасали обитель, *Соловецкой монастырь*», «Возрадуйся ныне, *Выгская пустыне*», «О пустыне, место *Выгорецко*, селение», «Днесь *Лекса* преславна»;

– Москву: «Ты, читателю, приинки во плачевну повесть, всем своим умом в то вникни, как в *Москве* пропала совесть»;

– города северо-восточной Руси: «В монастыре было, в *Боголюбове*, собиралися старцы во един круг»; «Есть Иоанн, служитель божий, был в *Суздаль-крепость* заключен»;

– населенные пункты Урала и Зауралья: «На *Урале* в далеком изгнанье», «Взволновалось море, возмутились воды, собрались народы в село *Гагарье* с ближних селений, а также и с дальних»; «Собрались народы со всех стран в город *Курган*»;

– хоронимы, ойконимы и связанные с ними этнохоронимы Сибири: «В *Даурии* дикой пустынной», «Собрались старики, *росеицы* и *сибиряки* в деревню *Дубровно* по делам духовным»;

– гидронимы и ойконимы Поволжья: «Что на юге и на севере протекала река быстрая, река быстрая славной *Керженец*», «*Криволучный монастырь* он во темных лесах» (один из Иргизских скитов), «В *Чебоксарах* в большом помещенье, пред лицом безбожных судей» (Стих на память страдальцем, година им 6 июля 1942 г. «От беринских агентов, злых палачей»);

– древнерусское название Каспийского моря: «По морю синему по *Хвалынскому*».

Таким образом, топонимия свидетельствует о развитых географических представлениях старообрядцев, что не в последнюю очередь связано с их активной миграцией, зачастую вынужденной, когда им приходилось

бежать от религиозных преследований или отправляться обживать новые места в связи с каким-либо официальным распоряжением. Реальная местность проживания имеет точное обозначение, соответствующее официальной топонимии. А вот названия мест, известные из христианской книжности либо устных нарративных источников, иногда подвергались искажению. Примеры: Гомор-город (Гоморра), маврийский (мавррийский) дуб, Хлеим Иудейский (Вифлеем), Рим (Рим), Салым-град (Солунь), Костянтинов град (Константинополь), Арацкие горы (Арабат); большой вариативностью отличается именование города Иерусалима: град Ирусалимов, Ирусалим, Иеросалим, Ерусалим. Искажение топонимов свидетельствует о том, что исполнитель не имеет определенного представления об их размещении в пространстве. Скорее всего, в восприятии старообрядцев это некий мифологический локус, с которым связана мифологическая же история.

Также встречаются топонимы, придуманные старообрядческими авторами, как, например, приход Саманьский из сатирического стиха «Новая газета» («В герцогстве Курляндском, в приходе Саманьском, суще два брата, не нища, ни богата»), размещенном в Дегуцком летописце. Топоним «Саманьский приход» происходит от названия озера Самани в Литве, в окрестностях которого с XVIII века обосновались старообрядцы.

Топонимы выступают важным средством «трансляции культурно-значимой информации» [5, с. 43]. Они выполняют просветительскую функцию, распространяя сведения о христианской географии и связанном с ней событийным рядом; идеологическую функцию, включая старообрядческую историю, разворачивающуюся в местах компактного проживания староверов и их духовных центрах, в общехристианскую, ставя подвижников старой веры в один ряд с библейскими персонажами и канонизированными христианскими мучениками.

Пространственные категории в значительной степени позволяют идентифицировать жанровую принадлежность образцов к духовному стиху, поскольку топонимы, связанные с библейской, древнерусской, старообрядческой географией, позволяют без труда соотнести их с текстами религиозной семиосферы.

Отличительным признаком геокультурного пространства старообрядческих духовных стихов является их приближенность к реальной географии. У староверов духовные стихи выполняли роль музыкально-поэтической летописи, включающей старообрядческую историю в общехристианскую. События раскола старообрядцы ставили в один ряд с событиями ветхозаветными и евангельскими, уподобляя тем самым старообрядческих страдальцев за древнее православие христианским мученикам и соотнося их подвиги с жертвой Христа.

В то же время в духовных стихах широко используются не только реальные, но и метафорические пространственные категории. Поэтому пространство духовных стихов аксиологически нагружено, что находит выражение как в противопоставлении, так и в сближении геокультурных зон. В основе противопоставления лежит принцип дихотомии, когда один пространственный объект делится на два взаимоисключающих: мир состоит из земли и неба. Обратный процесс связан с объединением разных пространственных объектов символическим смыслом, выявляющим подобие их аксиологической сущности, например, мир и свет, свет и рай, небо и рай, пустыня и рай.

Геокультурный смысл пространственных категорий духовного стиха отчетливо проявляется через их оппозицию. В стихах старообрядцев наиболее распространено противопоставление мира (света) и пустыни, земли и рая (неба), ада и рая, своего и чужого места, которые образуют лингвокультурную бинарность «праведность – греховность», лежащую в основе православного взгляда на мир. Однако в стихах горний мир часто нисходит на землю. А персонажи земные за свою святость удостаиваются царствия небесного. О таких перемещениях зачастую и идет речь в духовных стихах, наставляющих своих слушателей в возможности обретения рая земным человеком, выбравшим праведный путь спасения через удаление от соблазнов здешнего мира.

В духовных стихах имеются пространственные топосы и локусы, которые пользовались популярностью и наполнялись особой семантической нагрузкой именно у старообрядцев. Одним из таких объектов является топос пустыни, удаление в которую означало уход из мира, что соответствовало старообрядческому бегству от церковных гонений и стремлению спастись от грешного мира, в котором воцарился антихрист. Особенно распространены сюжеты о пустыне среди представителей толка странников (бегунов), у которых идея скитания, удаления от мира как способа спасения души возведена в догму.

Пространство духовного стиха необъятно. Оно охватывает космические масштабы горнего и земного миров, каждый из которых имеет свои устойчивые топосы: небесные селенья, места блажные и пещеру под землей, пропасти земные; белый свет и темные леса; прекрасную пустынь и прелестный мир и т.д. Мифопоэтические пространственные представления объединяют старообрядцев, поскольку содержат систематизированные взгляды древлеправославных христиан на мироздание. Семантические связи между пространственными топосами и локусами раскрывают общую картину мира, связанную с православной семиосферой.

Пространственный аспект важен и в бытовании стихов. В исполнении калик переходящих и нишей братии стихи звучали на пороге храма или избы, под окнами, на перекрестках, то есть в местах пограничных, отделяя пространство профанное и сакральное. В старообрядчестве эти границы уже не столь явны. Стихи поются всеми в любых жизненных ситуациях, звучат они и в доме, и за работой, и в притворе моленной или храма, и даже в пределах самого храма как гласовые азбуки. Подобное пространство бытования духовного стиха демонстрирует особый сакрализованный статус старообрядчества, подчеркивая идентификационную принадлежность носителей древнего православия к религиозной культуре.

Наконец, духовный стих как специфическая жанровая система имеет свое место в культурном пространстве. По справедливому мнению С. Е. Никитиной, он выступает мостом «между двумя мирами – миром христианского учения и миром традиционной народной культуры» [6, с. 251]. Нередко именно пространственные модели в текстах духовных стихов обнаруживают связи между этими мирами.

Список литературы

1. **Ануфриева Н. В.** «Дождались и мы жестокой зимы...»: к истории происхождения старообрядческого духовного стиха // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2015. Т. 136. № 1. С. 25-33.
2. **Гольдин П. З.** Топонимика, локус и топос малых улиц в парадигме семиотики // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 11 (25): в 2-х ч. Ч. 2. С. 66-69.
3. **Замятин Д. Н.** Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 3. С. 26-50.
4. **Замятин Д. Н.** Культура и пространство. Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 488 с.
5. **Корнеев И. Н.** География и топонимика в контексте гуманитарного дискурса // Географический вестник. 2014. № 1 (28). С. 41-45.
6. **Никитина С. Е.** Духовные стихи в современной старообрядческой культуре: место, функции, семантика // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: XI Международный съезд славистов: доклады российской делегации. М.: Наука, 1993. С. 247-260.
7. **Описи фондов старопечатных и рукописных книг Лаборатории археографических исследований Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина** [Электронный ресурс]. URL: <http://hist.igni.urfu.ru/lai/inventory.htm#invent> (дата обращения: 10.10.2016).
8. **Приображенский А. В.** Русская топонимия Карельского Поморья и Обонежья в историческом аспекте: автореф. дисс. ... к. филол. н. Петрозаводск, 2003. 20 с.
9. **Прокофьева В. Ю.** Категория «пространство» в художественном преломлении: локусы и топосы // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 11. С. 87-94.
10. **Федоров Ф. П.** Степное пространство в русской литературе // Город, усадьба, дом в литературе: сб. науч. ст. Оренбург, 2004. С. 6-19.
11. **Флоренский П.** Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М.: Прогресс, 1993. 324 с.
12. **Экспедиционные записи Н. С. Мурашовой:** личный архив автора. 1993-2003 гг.

GEOCULTURAL SPACE OF THE OLD BELIEVERS' SPIRITUAL VERSES

Murashova Natal'ya Sergeevna, Ph. D. in Art Criticism, Associate Professor
Novosibirsk State Pedagogical University
2107542@mail.ru

The object of this study is geocultural space of spiritual verses from the repertoire of the Old Believers. Topoi, loci, toponyms are viewed as cultural symbols reflecting the spatial picture of the world of the Old Believers and are one of the means of their cultural and religious self-identification. The paper analyzes topoi of natural, sacred, metaphorical origin and the dynamic topoi of the road. The author characterizes the toponymic system of the spiritual verse reflecting perception of geographical names and their functioning in collective consciousness of the Old Believers. Spiritual verses space is axiologically loaded. It is centered around the cultural binarity "righteousness – sinfulness" that underlies the Orthodox view of the universe embracing cosmic scales of celestial and earthly worlds, each of which has its own stable geocultural symbols.

Key words and phrases: spiritual verse; Old Believers; topoi; locus; toponym; geocultural space; picture of the world.

УДК 177.1

Философские науки

В статье рассматривается востребованность медиационных процессов в условиях противоречивости современной культуры России. Анализируется явление медиации как способа решения проблемы социального конфликта. Раскрыты такие аспекты правового воспитания граждан, как обученность и развитость личности. Владение знаниями, навыками, умениями и опытом деятельности в сфере медиации важно с точки зрения формирования культуры личности, что обеспечивает правильное понимание государственной правоохранительной политики.

Ключевые слова и фразы: право; противоречия культуры; социальная роль; правовое воспитание; медиация; принципы медиации.

Пенионжек Евгения Владимировна, к. филос. н., доцент

Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Екатеринбург
penionzhec@yandex.ru

**ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ ГРАЖДАН
КАК РЕЗУЛЬТАТ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕССОВ МЕДИАЦИИ**

Современный тип культурного пространства гражданина России насыщен плюрализмом как ценностью множественности культурных ориентаций, смыслов, действий. Защищается свобода самовыражения в слове, в печати, в частной жизни. Современность – это мозаичная и принципиально раздробленная культура,